

«Перестройка связана со всей проблематикой модернизации, но не в той ее – модернизации – поверхностной версии, которая зачастую мелькает в дискуссиях»

Выступление на презентации доклада «1985-2015. Ценности перестройки в контексте современной России»

Мне хотелось бы, прежде всего, поздравить и авторов, и Фонд с очень содержательным, очень хорошим докладом. Он действительно заслуживает высокой оценки. В то же время есть с чем поспорить, как это всегда бывает в содержательном документе.

По большому счету, по существу многие вещи сформулированы очень четко и ясно. И все-таки некоторые позиции доклада вызывают у меня желание не только поспорить, сколько, скорее, развить некоторые идеи.

Прежде всего, мне хотелось бы поддержать уже прозвучавшую здесь мысль, что доклад заслуживает того, чтобы быть основой для дискуссии. Думаю, что мы все – каждый своим образом – должны сделать что-то, чтобы эту дискуссию продвинуть. Поскольку доклад очень содержательный, в нем много пластов, много измерений, постольку таких мини-дискуссий, наверное, тоже может быть много.

Теперь я хотел бы высказать некоторые замечания. Меня задел такой преувеличенный, как мне кажется, акцент на ценностях. Я прекрасно понимаю замысел и прекрасно понимаю, чем это вызвано. Это все оправданно, безусловно. И с этим можно согласиться. Но у меня есть и некоторое внутреннее сопротивление. Потому что у меня есть ощущение, что такое преувеличенное внимание к ценностям одновременно с множеством замечательных открывающихся возможностей несет некоторое, я бы сказал, закрытие. Поскольку более важные вещи – те, что находятся «под ценностями» -то, что в перестройке было как раз критически важно. Это

новые модели мышления и поведения. Мы (участники дискуссии) не решаемся критически рассмотреть некоторые из ценностей, которые сильно прозвучали в то время, безусловно, сохранили актуальность сейчас и, наверное, сохранят ее в будущем... Но мы не рискуем посмотреть, как эти ценности связаны с глубинными моделями мышления и поведения.

Приведу один пример, о котором уже упоминал Андрей Рябов. Это по поводу государства: первый абзац на 6-й стр. доклада, где говорится о кризисе традиционной для России государство-центричной модели. А в конце этого абзаца одновременно тут же говорится о том, что «в качестве системы публичных институтов государство в России так и не смогло сложиться». Получается какая-то неувязка.

Мне кажется, эту неувязку мы можем распутать, если попробуем перейти от слова государство и тех ассоциаций, тех ценностей, которые вокруг этого словоупотребления у нас возникают, к более глубоким структурам, – эволюционным, когнитивным. Наверное, тогда мы сможем различать, по крайней мере, два явления и две совершенно разные когнитивные модели, которые стоят за этими словами.

Когда наши коллеги говорят о государство-центричной модели, речь идет о предельной концентрации власти. Они подробно и справедливо это все расписывают. А когда говорят о публичных институтах государства, то имеется в виду нечто другое.

То государство, которое лежит в основе государство-центричной модели появилось в ходе кризиса феодализма – и западноевропейского, и российского. В ходе этого кризиса, когда рушились феодальные структуры, в отдельных местах – и даже во многих местах – возникла возможность предельно концентрировать власть и появились ничем не ограниченные властители.

Это новое явление называлось разным образом в разных частях Европы, но в основе лежала одна и та же когнитивная модель – хозяин в своем доме, т.е. тот, кто концентрирует власть неограниченно, беспредельно и т.д. и т.д. Далее, у нас и в Западной Европе через полторы-две сотни лет

появляется новая структура, которая называется состоянием. Откуда уже получается устойчивое состояние тех самых публичных институтов, которые в России не сложились. В России в силу определенных обстоятельств эта формочка – государство – продолжает существовать. И с какого-то момента они начинают не различаться и путаться.

Это одно из тех трагических обстоятельств и трагических развилок, которые, несомненно, следовало бы иметь в виду. Почему? И здесь я снова возвращаюсь к ценностям. Спросите любого из наших сограждан: является ли государство для него ценностью, можно ли что-то делать без государства? Все скажут: да, государство – это классно, замечательно. Но при этом одни имеют в виду одно, другие – другое, а третьи имеют в виду все вместе и в непонятной комбинации.

Это не единственный вопрос, но один из вопросов, с которым нам хорошо было бы разбираться с тем, чтобы самим научиться отделять самодержавную власть от системы публичных институтов. И не оправдать самодержавную власть, которая апеллирует к дефициту институтов. И наоборот, не считать, что институты можно создавать только путем концентрации и предельной власти.

Следующая вещь, на которой мне хотелось бы остановиться, – это то, что мне понравилось в докладе и что я хотел бы предложить развернуть дальше, и о чем, собственно, Федор Лукьянов уже говорил – по поводу широты горизонта. В докладе «расширение горизонта», о котором Федор Лукьянов говорил, что оно было характерно для перестройки, – сделано еще шире. Мне особенно понравилась та связь перестройки с великими российскими реформами, которая очень последовательно намечена. Тем самым перестройка связывается со всей проблематикой модернизации – модернизации не в той поверхностной версии, которая у нас зачастую мелькает в дискуссиях, а серьезной модернизации. Кроме того, связи модернизации со многими сопутствующими явлениями, которые ей неравнозначны, с той же самой вестернизацией и т.д. Вестернизация – это одно, модернизация – другое. Здесь много различных аспектов.

Я назову некоторые вещи, которые, мне кажется, были бы исключительно важны и которые упоминаются, конечно, в докладе, но не получили, на мой взгляд, достаточного развития. Это смысл гласности. Гласность зачастую воспринимается в бытовом плане как возможность высказаться. И даже порой редуцируется до такой хамоватой модельки – возможность сказать гадость начальству. Это не имеет ничего общего с горбачевской гласностью.

Горбачевская гласность – это было нечто другое. Горбачевская гласность – это, прежде всего, была решимость людей, обладающих властью (Генерального секретаря, Политбюро), сделать важную для принятия решений информацию публичной. Это очень важно еще и с точки зрения ключевой сейчас категории, которая в теории демократии, в современной политической науке последних 15-20 лет получила очень сильное развитие и по существу, наверное, меняет всю конфигурацию теории демократии. Эта категория – подотчетность.

Горбачевская гласность и подотчетность (в политической науке используется, начиная со знаменитой статьи Филлипа Шмиттера и Терри Карра 91-го года) – меняют многие наши представления о демократических порядках и нормах поведения. Гласность имеет прямое отношение к дискуссии, которая продолжается в политической науке, относительно пересмотра демократической теории в связи с концепцией подотчетности, когда выборы и все прочее, что нам казалось таким незыблемым, приобретают совершенно другой, чисто инструментальный и, собственно, маловажный характер.

Если нам удастся включить в эту дискуссию концепцию гласности, это будет очень существенным вкладом и в политическую науку, и в политическую практику.

28.05.2015